

чего не сказал ямщику, боясь, что может произойти оставка.

Однако, человек догнал нас и подаль какую-то забытую картонку. Ямщик опять уселся, подобрал под себя возки и хлестнул лошадей. Колымага тряхнулась и пошла.

Я оглянулся назад. Отлогим скатом сбегало вниз шоссе, в его перспективе виднелся наш перекресток у «фигуры» и каменца (каменный дом) Коляновских. Вот уголок забора, на котором мы, бывало, просиживали с братом целые часы, ожидая появления чего-нибудь необычного вот отсюда, где теперь тихо катится наша коляска...

Она спустилась с подъема, мимо побегали лачуги, заборы, землянки. Вот лавочка, где Крыштанович покупал булки. Вот шоссе, с такими же пешеходами, балагурами и странниками. Вот мост и речка, где мы купались с моим товарищем. Вот Врангелевская роща...

Какое-то особое ощущение, как будто мимолетной приятной боли промелькнуло в душе. Это отрывалась в первый раз резко ограниченная полоска жизни.

Мост исчез, осталась назади сосновая роща... Впереди лежал простор, широкий, невѣдомый, загадочный и заманчивый... Свечерело, когда мы подъехали к первой станции, желтому зданию с красной крышей и готической архитектурой. Это был последний предѣл, еще как бы напоминавший о родном городе...

Перепрягли лошадей, прописали подорожную (с этим мать посылала меня, чем я очень гордился), я опять поѣхал на козлы...

Дорога, синяя сумерка, потом звѣздная ночь и фосфорическая облака, как будто насыщенные лунным светом... Мать стучит в оконце за козлами, ямщик сдерживает лошадей и наклоняется. Мать спрашивает, не холодно ли мне, не сплю ли я и не свалюсь ли с козел...

Мне кажется, что я не спал, но встает место, где мы стоим, для меня неожиданно ново: перед нами мост, под ним темная речка, с левой стороны стоит лѣсъ, и верхушки деревьев тихо качаются в синеве вечернего неба...

Я весь переполнен радостью новизны и ожиданий...

(Продолжение слѣдует).

Вл. Короленко.

Старый марксизм и современная социаль-демократия.

I.

В одной из своих многочисленных статей по поводу уже окончившагося теперь столкновения между Германией и Францией, вызванного марокским вопросом, Жорест цитирует слова «Vorwaerts», официального органа нѣмецкой социаль-демократии, о растущем политическом значении пролетариата, «который будет всеми силами противиться преступной попытке натравливания друг на друга двух соседних народов», — но при этом прибавляет от себя слѣдующее замѣчаніе:

«Конечно, мы не будем предаваться самодовольным иллюзиям; мы хорошо знаем, что при настоящем положеніи вещей ни рабочий класс, ни социалистическая партия еще не обладают достаточными силами, чтобы составить противоязвительную ачност и соперничество» (*L'Humanité*, № 431).

Подобного же рода заявление было сдѣлано Бебелем на Амстердамском конгрессѣ 1904 г., когда онъ призналъ невозможным для нѣмецкой социаль-демократии бороться въ настоящее время съ властью германскаго императора: подождемъ, сказалъ онъ, когда насъ будетъ не три, а семь или восемь миллионъ.

Въ этихъ, несомнѣнно, очень компетентныхъ сужденіяхъ современнаго политическаго положенія социалистическихъ партій въ наиболѣе промышленныхъ западно-европейскихъ странахъ интересно отмѣтить вполне определенное указаніе на то, что, несмотря на свою очень большую численность, онѣ все еще занимаютъ далеко не господствующее политическое положеніе и даже обнаруживаютъ, при всѣхъ столкновенияхъ съ буржуазными правительствами, свою сравнительную политическую слабость. Это обстоятельство ставитъ передъ нами весьма важный вопросъ *объ основныхъ причинахъ* такого явленія. До сихъ поръ теоретика социализма занимались преимущественно выясненіемъ причинъ громадныхъ успѣховъ и быстрого роста социалистическаго движенія въ западно-европей-